

ВОЙНА И МИР

БОРИС ВАННИКОВ | ВЛАДИМИР НОВИКОВ

МИЛЛИОНЫ
СНАРЯДОВ,
МИЛЛИАРДЫ
ПАТРОНОВ

ОРУЖИЕ
ДЛЯ ПОБЕДЫ

Война и мир (Алгоритм)

Владимир Новиков

**Миллионы снарядов, миллиарды
патронов. Оружие для Победы**

«Алисторус»

УДК 327 (1-87)
ББК 6.4(4/8)

Новиков В. Н.

Миллионы снарядов, миллиарды патронов. Оружие для Победы /
В. Н. Новиков — «Алисторус», — (Война и мир (Алгоритм))

ISBN 978-5-00222-235-3

Борис Львович Ванников с 1939 года по 1941 год был Народным комиссаром вооружения СССР, с 1942 года по 1946 год — Народным комиссаром боеприпасов СССР. Владимир Николаевич Новиков был с 1941 года по 1948 год заместителем Наркома вооружения СССР. В своих воспоминаниях они рассказывают, как Советскому Союзу удалось уже в 1943 году достичь уровня Германии по производству основных видов оружия, несмотря на то, что на нее работала вся Европа, а с 1944 года советская армия превзошла немецкую по количеству и качеству вооружения. Следует добавить, что после войны Ванников стал одним из главных организаторов советской атомной программы, позволившей создать ядерное оружие за рекордно короткие сроки. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327 (1-87)
ББК 6.4(4/8)

ISBN 978-5-00222-235-3

© Новиков В. Н.
© Алисторус

Содержание

Б.Л. Ванников	6
Записка Сталину	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Ванников. Владимир Новиков Миллионы снарядов, миллиарды патронов. Оружие для Победы

Художник Е.В. Максименкова

© Ванников Б.Л., Новиков В.Н., правообладатели
© ООО «Издательство Родина», 2023

Б.Л. Ванников

Записки наркома

Записка Сталину

В первых числах июня 1941 года, за две с половиной недели до начала Великой Отечественной войны, я был отстранен с поста Наркома вооружения СССР и арестован. А спустя менее месяца после нападения гитлеровской Германии на нашу страну мне в тюремную одиночку было передано указание И. В. Сталина письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий.

Обстановка на фронте мне была неизвестна. Не имея представления о сложившемся тогда опасном положении, я допускал, что в худшем случае у наших войск могли быть небольшие местные неудачи и что поставленный передо мной вопрос носит чисто профилактический характер. Кроме того, в моем положении можно было лишь строить догадки о том, подтвердило или опровергло начало войны те ранее принятые установки в области производства вооружения, с которыми я не соглашался. Поэтому оставалось исходить из того, что они, возможно, не оказались грубыми ошибками, какими я их считал.

Конечно, составленную мною при таких обстоятельствах записку нельзя считать полноценной. Она могла быть значительно лучше, если бы я располагал нужной информацией.

Так или иначе, записка, над которой я работал несколько дней, была передана И. В. Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привезли к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка была внимательно прочитана. В присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова Сталин сказал мне:

– Ваша записка – прекрасный документ для работы наркомата вооружения. Мы передадим ее для руководства наркому вооружения.

В ходе дальнейшей беседы он заметил:

– Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...

После описанного события прошло несколько месяцев. В течение этого времени я работал сначала в наркомате вооружения, потом выполнял задания Государственного Комитета Обороны, касавшиеся производства боеприпасов к зенитным орудиям и восстановления эвакуированных в глубь страны артиллерийских заводов, а в начале февраля 1942 года был назначен наркомом боеприпасов. С первых же месяцев войны стала как никогда ранее очевидной огромная работа, проделанная в предвоенный период в нашей промышленности вооружения. Это обстоятельство нашло отражение, в частности, в том, что группе руководителей этой промышленности летом 1942 года было присвоено звание Героев Социалистического Труда.

В связи с подготовкой Указа о награждении И. В. Сталин предложил мне, как бывшему наркому вооружения, дать характеристики директорам лучших оружейных и оружейных заводов. В списке, показанном мне Сталиным, были А. И. Быховский, Л. Р. Гонор, А. С. Елян, а также тогдашний нарком вооружения Д. Ф. Устинов и его заместитель В. Н. Новиков, ранее руководившие крупнейшими предприятиями. Это были те, под чьим руководством в предвоенный период реконструировались и увеличивались мощности главных заводов промышленности вооружения, осваивались образцы артиллерийских систем и стрелкового оружия для Красной Армии.

Глубоко ценя их заслуги, известные мне по совместной довоенной работе, я сказал, что, по моему мнению, каждый из них заслужил почетное звание Героя Социалистического Труда. Поскольку же в списке было и мое имя, то я позволил себе замечание, что меня еще рано

награждать за работу в наркомате боеприпасов, куда я был назначен совсем недавно. На это И. В. Сталин ответил:

– Вам присваивается звание Героя Социалистического Труда как оценка вашего руководства промышленностью вооружения.

8 июня 1942 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «за исключительные заслуги перед государством в деле организации производства, освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения и умелое руководство заводами...» вышеупомянутым товарищам и мне в их числе было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Промышленность вооружения в предвоенный период

Я пишу обо всем этом не из тщеславия, хотя, разумеется, как и многие другие, горжусь высокой наградой. Хочу, однако, подчеркнуть, что для меня она означала высокую оценку довоенной работы замечательного, самоотверженного и высококвалифицированного коллектива промышленности вооружения, который, кстати сказать, в дальнейшем, во время войны, с честью справился с еще более сложными и ответственными задачами.

О деятельности этого коллектива в довоенный период можно судить и по резолюции XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 года, меньше чем за 4 месяца до начала войны, где отмечено: «Темпы роста продукции оборонных промышленных наркоматов в 1940 году были значительно выше темпов роста продукции всей промышленности... В результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащенность Красной Армии и Военно-Морского Флота новейшими видами и типами современного вооружения».

Конечно, неправильно было бы этой резолюцией прикрывать крупные ошибки, имевшиеся в предвоенной работе промышленности вооружения. Напротив, следует признать, что тогда, в годы наибольшей интенсивности в работе по перевооружению Красной Армии новой боевой техникой, принимали немало ошибочных решений. Более того, о некоторых из них ни в коем случае нельзя забывать. Только при этом условии и ошибки послужат на пользу, ибо их можно будет не повторять. Ошибки – тот же опыт, который надо изучать, как изучают историю.

Практика, однако, показывает, что такому изучению не всегда уделяется достаточное внимание. Нередко новый руководитель начинает свою деятельность не с ознакомления с опытом прошлого, а с безапелляционных поучений. Они тем более опасны, что нередко принимаются безоговорочно; мол, раз начальник – значит, все знает лучше своих подчиненных и предшественников.

Опыт – это бесценное сокровище, огромная сумма практических знаний, накопленных людьми. Он позволяет не тратить усилий, подчас весьма дорогостоящих, на «открытие» уже открытых «Америк». Наконец, только при таком понимании значения опыта можно по-настоящему дорожить кадрами, беречь их, не допускать в отношении людей тех трагических ошибок, которые имели место в прошлом. Не могу не вспомнить о таких ошибках и в отношении кадров нашей оборонной промышленности.

Общеизвестно, что боевая техника, созданная в мирное время, ее качество окончательную, подлинную проверку проходят во время войны, на полях сражений. Но в то же время нужно иметь в виду, что высокое качество оружия обеспечивается тщательной отработкой конструкции и испытанием образцов, составлением хорошей технической документации, разработкой рационального технологического процесса и организацией налаженного серийного производства.

В довоенный период, о котором идет речь, конструкторы и производственники не выполняли полностью эти элементарные требования, ссылаясь в свое оправдание на нереальность заданных им сроков. Хотя в ряде случаев сроки устанавливали с их согласия, нельзя все же

не согласиться, что спешка вносила элементы дезорганизации в работу. При явно нереальных сроках «опускались руки», притуплялось чувство ответственности. В конечном итоге бывали срывы, опоздания или невыполнение установленных тактико-технических требований (ТТТ), за что руководителей и работников заводов, наркоматов и конструкторов подвергали взысканиям.

В связи с этим отмечу еще одну особенность предвоенных лет в руководстве оборонной промышленностью. Ее шефом согласно распределению обязанностей между руководителями партии и правительства тогда был Н. А. Вознесенский, но фактически ею занимался И. В. Сталин. Это имело и положительные, и отрицательные стороны. Так, с целью повысить качество и ускорить темпы работы конструкторов, он проявлял заботу о том, чтобы их запросы немедленно и вполне удовлетворялись, и это, естественно, играло важную роль. Но некоторые конструкторы, оказавшиеся в поле зрения Сталина и уже по этой причине занявшие «видное» положение, к сожалению, подчас использовали это обстоятельство в ущерб делу.

Кроме того, поиски способов ускорить работу конструкторов не всегда шли правильным путем, а подчас и грозили привести к противоположным результатам. Так, однажды Сталин высказал мысль о том, чтобы использовать в качестве стимула награждение конструкторов «авансом», то есть по изготовлении опытного образца и до проведения приемочных испытаний. Впрочем, это предложение не было осуществлено, так как при обсуждении выяснилось, что такой путь привел бы к спешке и сопутствующему ей снижению качества отработки образцов и технической документации.

Следует отметить, что обсуждение и утверждение тех или иных видов вооружения также не всегда отличались строгой деловитостью и высоким техническим уровнем. Нередко вопросы о сроках и качестве решались не на основе учета реальных научно-технических возможностей, а путем нажима. Поддерживая такой способ, И. В. Сталин как-то по окончании одного из заседаний сказал примерно следующее:

– Конструкторы всегда оставляют для себя резерв, они не показывают полностью имеющихся возможностей; надо из них выжимать побольше.

Это было верно. Но сложность заключалась в том, что резервы, которые «придерживали» конструкторы, выявлялись не в ходе технических обсуждений, а по «интуиции», причем в целом ряде случаев принимали желаемое за возможное. Поскольку же, как правило, сроки устанавливали именно таким образом, это приводило все к той же спешке. В результате новая оборонная продукция не полностью удовлетворяла первоначально установленным тактико-техническим требованиям. Это приводило к конфликтам между конструкторами, производственниками и заказчиками, к срыву сроков и крупным непроизводительным расходам.

В такой обстановке конструкторы из «прогрессивных» становились «не заслуживающими доверия», а созданная ими конструкция объявлялась неполноценной. В дальнейшем, в процессе ее совершенствования, нередко перекрывались даже первоначально установленные ТТТ, но это уже не снимало с нее формального клейма «некондиционности».

Современное состояние науки и техники таково, что открытия и изобретения, представляющие собой решение крупных проблем в той или иной области, являются комплексными исследовательскими, расчетными творческими разработками, которые под силу лишь большому квалифицированному коллективу, действующему в тесном сотрудничестве со многими другими коллективами из соприкасающихся отраслей науки и техники. От этого не только не снижается, но и возрастает значение таланта крупных конструкторов... От главного конструктора требуется умение работать с коллективом, выдвигать перед ним и совместно решать научно-технические и конструкторские задачи и не рассчитывать только на свои силы, не сползать к кустарщине, не бояться потерять приоритет или авторство.

Вместе с тем на главного конструктора как на руководителя возлагаются и организационные задачи, представительство в различных инстанциях при решении возникающих вопро-

сов. Наконец, бесспорно, что место советского конструктора не в стороне от политики и общественной жизни, но это, конечно, не должно отрывать его от выполнения его прямого долга – творческой работы.

К сожалению, в описываемое время выход главного конструктора на внешнее поприще деятельности сопровождался отвлечением его от выполнения прямых обязанностей. Выдвижение в нужных и ненужных случаях во всевозможные комиссии, общества, назначения на должности по совместительству и т. п. отвлекали конструкторов от творческой деятельности и переключали их на «общее» руководство.

Некоторых конструкторов и ученых увлекали внешние атрибуты успеха: высокое положение, слава. Излишние дифирамбы, бывало, портили, а случалось, что и губили хороших специалистов. Поощряемые поощрениями и нетребовательностью, они привыкали к безответственности. Стремясь сохранить положение и авторитет, но оторванные от творческой деятельности, они подчас пытались возместить ее разными прожектами, казавшимися заманчивыми, но на самом деле показными, растрчивали свои силы и способности на бесполезные дела.

У американского писателя Синклера Льюиса герой романа «Эроусмит» ученый Мартин мечтает обрести «нещадную злобу ко всему показному, к показной работе, к работе расхлябанной и незаконченной...». Он хочет быть неугомонным, «чтобы и не спал, и не слушал похвалы, пока не увижу, что выводы из моих наблюдений сходятся с результатами моих расчетов, или пока в смиренной радости не открою и не разоблачу свою ошибку...».

Мне кажется, что из этих слов можно было бы составить хороший девиз для каждого конструктора и ученого.

В подавляющем большинстве среди наших конструкторов и ученых были скромные и талантливые люди, не поддавшиеся соблазнам высокого положения и славы. Они преуспевали как настоящие творцы научно-технического прогресса, и их имена неизгладимо вошли в историю науки и техники, в летопись создания советского вооружения.

В работе оборонной промышленности было вместе с тем немало недостатков и упущений в организационном, хозяйственном, техническом руководстве во всех звеньях управления. Одной из главных причин этого была большая текучесть кадров, особенно административного и технического персонала. Несправедливое массовое отстранение квалифицированных работников промышленности и военно-технических управлений в центральных аппаратах и на периферии, замена их недостаточно опытными кадрами нанесли немалый ущерб оборонной индустрии и вооруженным силам в период развернутых работ по перевооружению Красной Армии.

В оборонной промышленности последствия этого смягчались тем, что сохранялась преемственность: как правило, вновь выдвинутые руководители и специалисты ранее работали в той же системе и под руководством тех людей, на замену которых их ставили. Преемственность помогала новым работникам освоиться на ответственных должностях в более короткие сроки и возлагала на них определенную долю ответственности за работу бывших руководителей. Перестраховка «критикой» прошлого не могла служить для них гарантией от последствий при неудовлетворительных результатах на порученных им участках. Поэтому в промышленности новые руководители не прибегали к огульной дискредитации всего прошлого.

В военно-технических же управлениях при массовом отстранении руководящего состава и ответственных исполнителей на смену им выдвигались кандидатуры без учета соответствия опыта и знаний этих людей поручаемому делу и без соблюдения преемственности. Кроме того, положение новых руководителей в военно-технических организациях отличалось и тем, что на них не возлагали непосредственную ответственность за результаты деятельности промышленности по снабжению армии боевой техникой. Поэтому им представилась широкая возможность выступать с «критикой» в духе сложившейся в то время конъюнктуры. Неполадки и упущения

в своей деятельности они, как правило, объясняли последствиями «вредительства» предшественников или плохой работой промышленности.

Военные заказчики имели право контролировать качество продукции, состояние производства и воздействовать санкциями, в том числе и финансовыми. Обладая такими возможностями и используя политическую конъюнктуру, неудачно подобранные руководители военнотехнических управлений превращали подчас заводы и наркоматы в арену своей карьеристской деятельности в ущерб работе промышленности и снабжению армии боевой техникой.

Хотя в последние предвоенные годы кадры в промышленности несколько стабилизировались, обстановка все же оставалась ненормальной, так как неуверенность в своем положении влияла на работоспособность людей. Возникла необходимость радикальных мер, которые оградили бы работников оборонной промышленности от несправедливых нападков заказчиков, контрольных и надзорных органов.

Вначале, однако, И. В. Сталин не давал согласия на то, чтобы был внесен соответствующий проект постановления правительства, выражая сомнение в необходимости такого решения. Не кроется ли за жалобами работников промышленности на нездоровую обстановку, говорил он, желание снизить требовательность – «в ущерб государству». Иногда Сталин в ответ на жалобы говорил:

– А почему вы допускаете? Что, у вас нет власти?.. Кого вы боитесь?

Тем не менее разговоры на эту тему все же возымели действие, и однажды Сталин сказал:

– Дайте факты, и мы примем меры.

За фактами дело не стало. Именно в это время руководство Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА, недовольное «поведением» директора одного из оружейных заводов, командировало на это предприятие своего сотрудника. Ему прямо и недвусмысленно поручили сфабриковать «факты преступной деятельности» и передать материал в следственные органы для привлечения директора и других руководящих работников завода к судебной ответственности.

Этот посланец уже находился в пути, когда о нем было доложено в ЦК партии. Сталин высказал возмущение и дал указание подготовить соответствующий проект, по которому предусматривалось, что директора артиллерийских заводов могут быть привлечены к суду только решением Совета народных комиссаров СССР, а также были оговорены условия, упрощающие положение и авторитет руководящих работников этих предприятий.

На другой же день И. В. Сталин сказал мне по телефону: «Мы в ЦК ознакомились с вашим письмом и предложениями, вполне с вами согласны и поддерживаем вас. Проект будет утвержден...». Вскоре были даны соответствующие указания наркомату обороны. Работники артиллерийских заводов были воодушевлены проявлением такой заботы со стороны партии и правительства, обрели уверенность. Жаль, что решение касалось только артиллерийских заводов и, несмотря на просьбы, не было распространено на другие предприятия.

Артиллерийская промышленность

Об артиллерии и артиллерийской промышленности И. В. Сталин, мне казалось, проявлял наибольшую заботу.

Правда, он уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности.

То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов работы танковой промышленности и военного судостроения.

Но при всем этом в отношении Сталина к артиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия. Возможно, что это было связано с его воспоминаниями о своей прошлой военной деятельности, когда только артиллерия решала исход боев, а все другие виды техники не достигли еще столь высокой степени развития, какое они получили перед второй мировой войной. И. В. Сталин выразил свое отношение к артиллерии, повторив крылатую фразу: «Артиллерия – бог войны».

В период между двумя мировыми войнами артиллерийские системы подверглись коренному видоизменению и совершенствованию на основе новейших научно-технических достижений. Новые типы этого вооружения были разработаны и апробированы в СССР задолго до начала Великой Отечественной войны и в основном оставались неизменными до окончательного разгрома противника. В целом система артиллерийского вооружения Красной Армии в течение всей войны не испытывала потребности в новых калибрах или острой необходимости принципиально новых конструкций.

Огромная работа, проделанная в довоенный период, позволила конструкторам и производственникам-вооруженцам сосредоточить свои творческие усилия во время войны на дальнейшем совершенствовании артиллерийского вооружения и улучшении процесса его изготовления. Это дало возможность повышать эксплуатационные качества систем, упрощать конструкции деталей и узлов, лучше организовать производство, увеличивать выпуск продукции и снижать ее себестоимость.

Разносторонность и высокий уровень техники в промышленности вооружения обеспечили быстрое решение целого ряда важных задач, возникавших в ходе войны. Когда, например, к 1943 году потребовалась мощная танковая и самоходная артиллерия, конструкторы и производственники-вооруженцы и танкостроители с большим успехом использовали наиболее ответственные и трудоемкие так называемые качающиеся части артиллерийских систем (ствол с люлькой) калибров 122 и 152 миллиметра, которые промышленность выпускала крупными сериями. И уже с начала 1943 года фронт получал в требуемых количествах танки и самоходные установки с мощной артиллерией и боекомплекты снарядов.

К моменту нападения гитлеровской Германии на нашу страну Красная Армия была вооружена самой лучшей артиллерией, превосходившей по боевым и эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую.

Классической для того времени была 76-миллиметровая пушка, созданная Героем Социалистического Труда конструктором В. Г. Грабиным. Немцы считали эту пушку образцом для артиллерийских систем такого калибра. В танковом варианте она пробивала броню немецко-фашистских танков на значительно больших дистанциях, нежели могли это сделать их пушки в отношении наших танков.

Конечно, надо иметь в виду, что броня советского танка «Т-34» была мощнее. Но, во-первых, вес и габариты 76-миллиметровой пушки были сравнительно малы. Во-вторых, сама эта пушка обладала лучшими техническими и тактическими качествами. Все это, вместе взятое, и позволило нашей оборонной промышленности создать боевую машину, которая значительно превзошла немецко-фашистские танки по броневой защите и меткости стрельбы на больших дистанциях. «Танк «Т-34» произвел сенсацию, – писал после войны бывший гитлеровский генерал Эрих Шнейдер. – Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-мм пушкой (калибра 41,5), снаряд которой пробивал броню немецких танков с 1,5–2 тыс. м., тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую и кормовую части танка «Т-34».

В связи с этим не могу не вспомнить о том, что 76-миллиметровая пушка, да и многие другие новые артиллерийские орудия снимались в последние предвоенные годы с производ-

ства в результате ошибочной оценки их качеств. Что касается названной пушки, а также 45-миллиметровой, об этом стоит рассказать подробнее, как о событиях чрезвычайной важности, происходивших в 1941 году, за несколько месяцев до начала войны.

Инициатива принадлежала начальнику Главного артиллерийского управления Красной Армии маршалу Г. И. Кулику. Сообщив наркомату вооружений, что, по данным разведки, немецкая армия в ускоренном темпе перевооружается якобы танками с пушками калибром более 100 миллиметров и броней увеличенной толщины и повышенного качества, он заявил, что неэффективной против них окажется вся наша артиллерия калибров 45–76 миллиметров. В связи с этим маршал Кулик предложил прекратить производство таких пушек, а вместо них начать выпуск 107-миллиметровых, в первую очередь в танковом варианте.

Предложение не встретило поддержки в наркомате вооружения. Мы знали, что еще совсем недавно, в 1940 году, большая часть немецких танков была вооружена пушками калибров 37 и 50, остальные – 75-миллиметровыми. А так как калибры танковых и противотанковых пушек, как правило, корреспондируют броневой защите танков, то было ясно, что наша танковая противотанковая артиллерия калибров 45 и 75 миллиметров в случае войны будет иметь превосходство. Мы считали маловероятным, чтобы гитлеровцы могли за один год обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники, о котором говорил Г. И. Кулик.

Наконец, если все же появилась необходимость повысить бронепробивающие возможности нашей артиллерии, то следовало начинать не с новых для промышленности конструкций, а в первую очередь попытаться достигнуть этой цели, увеличивая начальную скорость полета снаряда тех 76-миллиметровых пушек, производство которых уже освоено. Да и вообще переход на больший калибр нужно было начинать не с 107-миллиметровой пушки, которой в современной конструкции еще не существовало. Целесообразнее было бы, например, использовать готовую качающую часть выпускавшейся крупными сериями 85-миллиметровой зенитной пушки. Предложение снять с производства все варианты пушек калибров 45 и 76 миллиметров нельзя было принять еще и потому, что они выпускались в качестве очень маневренных средств против многих важных целей – живой силы противника, проволочных и других преград.

Итак, маршал Кулик, обычно легко поддававшийся самым невероятным слухам и основанным на них «идеям», не сразу добился своего. Однако он продолжал действовать в том же направлении и спустя несколько дней предложил мне выехать вместе с ним на один из артиллерийских заводов, чтобы на месте выяснить возможность форсированного создания и освоения танковой 107-миллиметровой пушки в серийном производстве вместо 76-миллиметровой. При этом сослался на якобы имеющееся у него разрешение И. В. Сталина.

Были все основания усомниться в характере указаний, полученных маршалом Куликом. Кроме того, если бы задание было сколько-нибудь определенным, то его, несомненно, получил бы и наркомат вооружения. Наконец, и Н. А. Вознесенский, с которым я тогда связался по телефону, заявил, что ему ничего по этому вопросу не известно и что он лишь дал указание, чтобы на заводе, куда ехал Г. И. Кулик, ему были представлены все материалы и объяснения, которых он потребует. Я передал это распоряжение директору завода, а от поездки отказался. Побывав на одном заводе, Г. И. Кулик вскоре собрался и на другой. На этот раз он еще более настаивал, чтобы ему сопутствовал кто-либо из руководителей наркомата вооружения. Мы вновь отказались, полагая, что он сам в конце концов разберется и откажется от своего опасного и несвоевременного предложения.

Надежды не оправдались. Вскоре меня вызвал И. В. Сталин и, показав докладную записку маршала Кулика, вкратце ознакомив с ее содержанием, спросил:

– Что скажете вы по поводу предложения вооружать танки 107-миллиметровой пушкой? Товарищ Кулик говорит, что вы не согласны с ним.

Он очень внимательно выслушал мои доводы. В это время в кабинет вошел А. А. Жданов, и Сталин, обращаясь к нему, сказал:

– Ванников не хочет делать 107-миллиметровые пушки для... танков. А эти пушки очень хорошие, я с ними воевал в гражданскую войну.

– Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы, – ответил Жданов.

Сталин, вероятно, не хотел действовать в этом вопросе поспешно.

– У Ванникова, – сказал он, – имеются серьезные мотивы, их надо обсудить. – И, по-прежнему обращаясь к Жданову, добавил: – Ты у нас главный артиллерист, поручим тебе возглавить комиссию с участием товарищей Кулика, Ванникова, Горемыкина (тогда – нарком боеприпасов) и еще кого найдешь нужным. И разберитесь с этим вопросом. – Помолчав, он повторил: – А 107-миллиметровая пушка – хорошая пушка...

Замечу, что Сталин, говоря о 107-миллиметровой пушке, имел в виду полевое орудие времен первой мировой войны; оно, кроме калибра, то есть диаметра ствола, ничего общего не могло иметь с конструкцией, которую нужно было создать для современных танков. А. А. Жданов же, к сожалению, воспринял реплику Сталина как одобрение проекта Г. И. Кулика, что и наложило отпечаток на дальнейшее его отношение к этому вопросу.

На состоявшемся вскоре заседании комиссии у Жданова присутствовали маршал Кулик, генерал Каюков и другие военные. Со мной в качестве представителей наркомата вооружения были мой заместитель Мирзаханов, директора заводов Елян и Фрадкин. Нарком боеприпасов Горемыкин прибыл вместе со своим заместителем и другими ответственными работниками.

С самого начала заседания возможность подробно излагать свои доводы предоставлялась только военным. Когда же я высказал несогласие с таким характером обсуждения, А. А. Жданов резко обвинил меня в саботаже и раздраженно повторил, по-видимому, понравившуюся ему фразу, ранее произнесенную Г. М. Маленковым: «Мертвый тянет живого...»

Надо сказать, что накануне этого заседания в наркомате вооружения состоялось широкое и всестороннее обсуждение вопроса. Участвовали в нем директора и конструкторы соответствующих артиллерийских заводов. Тщательно взвесив все за и против, пришли к выводу, что предложение маршала Кулика не только нецелесообразно, но и грозит опасными последствиями. Поэтому мне особенно тяжелы были не столько явные угрозы А. А. Жданова по моему адресу, сколько его необоснованные симпатии к проекту Г. И. Кулика. И я решительно заявил, что принятие этого предложения поведет к разоружению армии. В ответ на это Жданов немедленно прекратил совещание и заявил, что пожалуется на меня Сталину.

Смущенные таким концом работы комиссии, все ее участники разошлись, а вскоре меня вызвал Сталин. Он показал подготовленное А. А. Ждановым и уже подписанное постановление в духе предложений И. Г. Кулика.

Я попытался возражать, но Сталин прервал мои объяснения, заявив, что они ему известны и основаны на нежелании перестраиваться на выпуск новой продукции, а это наносит ущерб государственным интересам.

– Нужно, чтобы вы не мешали, – сказал Сталин, – а поэтому передайте директорам указание немедленно прекратить производство пушек калибра 45 и 76 миллиметров и вывезти из цехов все оборудование, которое не может быть использовано для изготовления 107-миллиметровых пушек.

Эти слова означали, что вопрос решен окончательно и возврата к его обсуждению не будет.

Но все сложилось иначе. Правда, указание Сталина было выполнено, и непосредственно перед нападением гитлеровской Германии производство самых нужных для войны 45— и 76-миллиметровых пушек было прекращено. Но как только развернулись военные действия, Сталин увидел, что была допущена непростительная ошибка. Спустя месяц после начала войны, разговаривая со мной в присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова, он возмущался Жда-

новым и Куликом и называл их виновниками создавшегося положения. И как было не возмущаться! Перед Сталиным лежали донесения, из которых явствовало, что немецко-фашистские армии наступали далеко не с первоклассной танковой техникой; у них были и трофейные французские танки «Рено» и устаревшие немецкие «Т-I» и «Т-II», участие которых в войне Берлин ранее не предусматривал.

В настоящее время опубликованы довольно точные данные о бронетанковом парке, с которым Гитлер начал «Восточную кампанию». Они подтверждают, что действительное состояние бронетанковой техники противника не соответствовало тем сведениям, которыми располагал Г. И. Кулик и руководствовался А. А. Жданов, приняв решение ввести на вооружение 107-миллиметровые пушки взамен 76-миллиметровых. Иначе говоря, стало совершенно ясно, что наши пушки калибра 45 и 76 миллиметров были способны эффективно действовать против немецко-фашистской танковой техники. И, к сожалению, ошибка оказалась еще более тяжелой, чем можно было предполагать. Дело в том, что значительное количество этих пушек, имевшихся в войсках приграничных районов, а также свезенных на склады в западной части СССР, было потеряно при отступлении в первые месяцы войны. Производство же таких пушек, как сказано выше, мы прекратили перед самым началом вражеского вторжения.

Вот почему бывший гитлеровский генерал Эрих Шнейдер мог впоследствии писать, что, «несмотря на некоторые конструктивные недостатки, немецкие танки вполне оправдали себя в первые годы войны. Даже небольшие танки типов I и II, участие которых в войне не было предусмотрено, показали себя в боях не хуже других...» Впрочем, Шнейдеру пришлось признать, что это продолжалось лишь «до тех пор, пока в начале октября 1941 года восточное Орла перед немецкой 4-й танковой дивизией не появились русские танки «Т-34» и не показали нашим (немецко-фашистским. — Б. В.) привыкшим к победам танкистам свое превосходство в вооружении, броне и маневренности».

Дело в том, что после начала войны, когда стала очевидной ошибочность ранее принятого решения, Государственный Комитет Обороны СССР с целью исправить положение принял решение в форсированном порядке восстановить производство пушек калибра 45 и 76 миллиметров не только на заводах, которые изготавливали их прежде, но и на других, в том числе и некоторых гражданских, имевших хоть мало-мальски пригодное для этого оборудование.

Задача оказалась нелегкой. Станочное и кузнечно-прессовое хозяйства многих предприятий предназначались для изготовления тяжелых крупногабаритных деталей. На этом громоздком оборудовании, в частности, на карусельных станках со столами диаметром несколько метров, в огромных корпусах, обслуживаемых мостовыми кранами грузоподъемностью свыше 25 тонн, пришлось изготавливать сравнительно небольшие детали и узлы для пушек. В технологическом отношении это было варварство. Но иного способа наверстать упущенное не существовало, и мы пошли этим путем.

Для ускорения выпуска новых пушек заводы получили готовую техническую документацию. Промышленность вооружения к тому же располагала большими производственными мощностями и запасами технологического оснащения и заготовок (поковок, незавершенных изделий и т. п.) на артиллерийских заводах, ранее изготавливавших 45— и 76-миллиметровые орудия, а также хорошо организованным чертежным хозяйством. Решающее значение имели огромный технический опыт и самоотверженный труд рабочих, техников, инженеров и руководителей предприятий, которые буквально выжали из первоклассного оборудования все, что оно могло дать. В результате положение начало меняться уже к концу первого полугодия войны, а в 1942 году промышленность вооружения дала фронту 23 100 пушен калибра 76 миллиметров.

Чтобы дать представление о значении этой цифры, напомним, что гитлеровский вермахт к 1 июня 1941 года, то есть перед началом войны с СССР, имел на востоке 4176 пехотных пушек калибра 75 миллиметров.

В связи с историей прекращения производства 45— и 76-миллиметровых пушек в результате ошибочной оценки немецко-фашистской бронетанковой техники, мне вспомнились и другие события, в частности история противотанкового ружья (ПТР); к нему некоторые в нашем военном командовании отнеслись в то время столь же пренебрежительно. И по той же причине.

ПТР, правда, не получило до начала второй мировой войны должного признания не только у нас, но и в других странах, хотя необходимость в таком специальном стрелковом оружии возникла еще в первую мировую войну с момента появления танков.

Первым специальным средством против танков стали созданные в конце первой мировой войны ружья и пулеметы крупного калибра, представлявшие собой всего лишь укрупненные образцы имевшегося вооружения. Так, германское противотанковое ружье образца 1918 года представляло собою увеличенную копию винтовки Маузера образца 1898 года... Вообще же при создании противотанкового оружия стремились прежде всего получить соответствующий пулемет; считалось, что его можно будет использовать для борьбы и с танками, и с самолетами. А так как для стрельбы по самолетам важное значение имеет и высокий ее темп, обеспечиваемый только автоматическим оружием, то на первых этапах противотанковые и зенитные средства и совместили в крупнокалиберных пулеметах, как правило, переделываемых из конструкций среднего калибра;

После окончания первой мировой войны работы по конструированию противотанкового стрелкового оружия во всех крупных западных государствах продолжались в тех же направлениях, что по существу ограничивало возможности получить хорошие тактико-технические показатели противотанковых средств. Увеличение калибра пулеметов, веса пули и ее начальной скорости при сохранении необходимых для зенитной стрельбы качеств (в частности темпа стрельбы) потребовали настолько увеличить тяжесть и габариты конструкций, что сделали их непригодными в качестве пехотного противотанкового средства. Оружейники пришли к заключению, что «по мере увеличения брони танков пробивная способность крупнокалиберных пулеметов уже не может считаться достаточной и эти пулеметы мало-помалу теряют свое прежнее значение, как противотанковое средство» (В. Федоров. Эволюция стрелкового оружия. М., 1939).

Тогда усмотрели дальнейшее развитие противотанковых средств в переходе от стрелкового оружия к малокалиберной артиллерии. Получалось, что пуля в состязании с броней уступила.

Но это был преждевременный вывод. Советские конструкторы Дегтярев, Токарев и Симонов создали полуавтоматические и неавтоматические противотанковые ружья калибра 14,5 миллиметра с начальной скоростью полета пули 1000 метров в секунду и более. Они обладали хорошими тактическими и техническими показателями: были простые по конструкции, удобные, приемлемого веса и размеров, в походе двое солдат без особого напряжения могли нести это оружие; стрелкам были обеспечены хорошая маневренность, возможность тщательной маскировки.

И вот одновременно с предложением снять с производства пушки калибра 45 и 76 миллиметров как якобы неэффективное средство борьбы против танков, было высказано такое же мнение о ПТР. По-видимому, оно было основано на устаревших данных, а быть может, и на дезинформации, распространявшейся гитлеровским командованием относительно танковой и противотанковой техники вермахта. Но наши военные, преувеличивая тогда мощь германских танков, явно преуменьшали эффективность немецких противотанковых средств. Они запоздали в оценке этих средств. Между тем гитлеровская армия только во время войны на Западе имела мало ПТР образца 1938 и 1939 годов, но к началу войны против СССР, точнее к 1 июня 1941 года, у нее было уже более 25 тысяч таких ПТР и появились первые 183 тяжелых ПТР образца 1941 года.

Итак, недооценка ПТР дала себя знать у нас как раз тогда, когда в ходе второй мировой войны уже определенно выявилось, что это хорошее противотанковое средство.

Свернуть у нас работы по конструированию и производству ПТР помешала решительная защита и поддержка этого хорошего, простого и дешевого оружия со стороны наиболее дальновидных наших военачальников, и особенно – твердая позиция генерал-полковника, впоследствии Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова. Благодаря этому к началу войны производство ПТР было освоено. Они поступили на вооружение Красной Армии и в первых же боях показали себя грозным и эффективным противотанковым средством. Немецкий генерал Эрих Шнейдер писал по этому поводу: «Еще в начале войны русские имели на вооружении противотанковое ружье калибра 14,5 мм с начальной скоростью полета пули 1000 м/сек, которое доставляло много хлопот немецким танкам и появившимся позднее легким бронетранспортерам».

Перед войной был момент, когда судьба 45— и 76-миллиметровых пушек угрожала также ряду других новых артиллерийских конструкций. Например, 152-миллиметровой гаубице образца 1937 года – в ту пору она была одной из лучших и отвечала всем новым технико-тактическим требованиям. Охарактеризовав ее как «вредительскую», представители Главного артиллерийского управления потребовали приостановить производство и провести новое испытание.

Повторные испытания по полной программе дали не менее хорошие результаты, да и к тому времени началось некоторое отрезвление от «вредительствования». Короче говоря, 152-миллиметровая гаубица вновь получила справедливое признание, и единственное, что изменили те, кто пытался ее дискредитировать, было название. Теперь это стала уже не гаубица, а «пушка-гаубица».

В конечном итоге были реабилитированы и другие новые артиллерийские системы, взятые тогда под сомнение безо всяких оснований.

Вооружение для авиации

Во время войны немаловажную роль в борьбе за господство в воздухе сыграло увеличение огневой мощи наших ВВС. Среди новых образцов авиационного вооружения одной из лучших была 23-миллиметровая пушка, которую советская промышленность окончательно создала в 1942 году.

Я говорю «окончательно» потому, что эта конструкция рождалась несколько лет. И, несомненно, могла быть взята на вооружение еще до войны, от чего наша страна лишь выиграла бы в час, когда над ней нависла грозная опасность вражеского нашествия. Но своевременному завершению соответствующих работ помешали, по моему глубокому убеждению, те же ошибки, допускавшиеся в предвоенный период в отношении специалистов и руководителей промышленности. Имею в виду не только необоснованные репрессии, но и неоправданную поспешность при возведении «на пьедестал» тех или иных работников. И то, и другое нанесло немалый вред, в частности, развитию авиационного вооружения в предвоенное время.

Прежде всего надо сказать, что еще в начале 30-х годов советская авиация была вооружена лишь пулеметами двух типов. Они имели хороший калибр – 7,62 миллиметра, но небольшую скорострельность. По мере увеличения скоростей самолетов они перестали соответствовать новым требованиям ВВС. Значительно лучшим оказался пулемет, созданный к 1933–1934 годам талантливыми конструкторами Б. Шпитальным и И. Комарницким. Это была оригинальная конструкция, которая при том же калибре увеличивала число выстрелов до 2 тысяч в минуту. Приняв на вооружение эту скорострельную систему, получившую название «Шкас», Военно-Воздушные Силы СССР по пулеметному оружию выдвинулись на первое место в мире.

Примерно тогда же Б. Шпитальный и С. Владимиров создали крупнокалиберный (12,7 миллиметра) пулемет «Швак».

От промышленности переход к высокой скорострельности автоматического оружия потребовал еще большей точности в исполнении чертежей, расчетах допусков, изготовлении авиационного оружия и особенно высокого качества стали и термической обработки деталей, предопределявших живучесть и безотказность автоматики. Тактико-технические требования (ТТТ) к этому вооружению, которые всегда были выше, чем к наземному, вновь намного возросли. Оружейное же производство, хотя оно и находилось на сравнительно высоком техническом уровне, все же оказалось недостаточно подготовленным к выпуску скорострельного авиационного автоматического оружия, полностью отвечающего предъявленным ТТТ.

Наибольшие трудности возникли при подборе высокопрочных специальных сталей для самых напряженных деталей и пружин и при создании технологии их термической обработки. В те годы автоматизация в производстве только зарождалась, да и то лишь на отдельных участках. А без автоматизации изготовления и контроля изделий нельзя было добиться требуемой стабильности их и высокого качества.

Освоение выпуска пулеметов «Шкас» отставало и по многим другим техническим и производственным причинам. Так, авторы конструкции, возведенные на вышеупомянутый «пьедестал» и позволяя себе этакую «небрежность гения», плохо отработали чертежи, вносили в них множество изменений уже после запуска в серийное производство. При испытаниях допускались нарушения условий, давали необъективные оценки выявленных недочетов, что было опять-таки связано с «особым» положением конструкторов, а это, в свою очередь, предопределяло новые и новые исправления;

Все эти задержки вызывали беспокойство И. В. Сталина, уделявшего много внимания развитию авиации. А так как пулемет «Шкас» был для нее новым могучим огненным средством и обеспечивал ей значительные преимущества на случай войны, Сталин взял на себя непосредственный контроль соответствующих работ конструкторского бюро и заводов. Он вызывал представителей промышленности и авиации, лично решал возникавшие между ними разногласия.

Много раз эти вопросы обсуждало Политбюро ЦК ВКП(б). В таких случаях приглашали также конструкторов и директоров предприятий. Производственники в основном докладывали о действительных трудностях освоения новой системы. Конструкторы же, пользуясь тем, что им верили на слово, вначале стремились переложить на промышленность даже свои собственные ошибки. Это усиливало нервную обстановку, в которой часто происходили заседания, и вело к «особым мерам».

Так, по жалобе конструкторов был арестован главный технолог производства пулемета «Шкас» инженер Сандомирский, обвиненный в саботаже. Готовили репрессии в отношении других специалистов. Несколько раз при обсуждении упоминали, например, главного инженера одного из заводов Лебедко, которого на основании жалоб конструкторов сочли виновником задержки, хотя это был честный и высококвалифицированный специалист, упорно работавший над исправлением конструктивных недостатков пулемета «Шкас».

Приостановить репрессии мог только Сталин. Поэтому я и обратился к нему с такого рода просьбой, попутно изложив действительное положение дел и истинные причины отставания в освоении производства нового авиационного вооружения. И хотя инженера Сандомирского все же не освободили, но больше не было арестов. Одновременно, для того, чтобы выправить положение, была создана большая группа квалифицированных специалистов во главе с крупным оружейником военным инженером Майном. Они заново переработали чертежи и провели тщательные расчеты размеров и допусков. Осуществление этой большой работы, как и принятые тогда же меры по упорядочению производства пулеметов «Шкас», обеспечили вскоре их выпуск для ВВС в требуемом количестве.

По мере совершенствования авиационной техники требовалось усиливать мощь авиационного оружия. Пулеметный огонь становился менее эффективным в отношении самолетов возможного противника: уязвимые места, которые стали бронировать, нужно было теперь поражать бронебойными малокалиберными снарядами, а увеличившиеся несущие поверхности – разрывами на больших площадях.

Появилась необходимость создать осколочно-разрывные снаряды с взрывателями высокой чувствительности, и был выдвинут вопрос об авиационном пушечном вооружении. На этот счет тогда имелись различные точки зрения.

Одни считали, что главным оружием самолета остается скорострельный пулемет. Посему, говорили они, задача состоит в дальнейшем повышении темпа стрельбы и уменьшении веса материальной части, что позволит ставить спаренные пулеметы.

Другие называли вооружение пулеметами – второстепенным, пригодным только для решения частных задач. Сторонники этого взгляда утверждали, что по мере совершенствования техники пулеметы вообще не нужны будут самолетам и что главным и единственным авиационным вооружением станут пушки, калибр которых будет все более возрастать.

Наконец, третьи отстаивали жизненность пулеметного оружия на длительный период и вместе с тем придавали важное значение пушечному вооружению. Иначе говоря, предлагали совершенствовать и тот и другой виды вооружения как дополняющие друг друга. Именно такую точку зрения поддержал И. В. Сталин.

Обмен мнениями способствовал углубленному изучению и освещению проблем развития авиационного вооружения. Вместе с тем не только на итоги дискуссии, но и на все дальнейшее развитие авиационного пушечного вооружения отрицательно повлияла позиция конструкторов пулеметов. Если тогда еще можно было спорить о том, правы они или нет, то теперь уж, во всяком случае, ясно, что своим стремлением сохранить монопольное положение созданных ими систем они способствовали недооценке пушечного вооружения.

Произошло это так.

В обстановке, когда советские авиационные пулеметы по тактическим и техническим данным были, как уже говорилось, лучшими в мире, а работа по созданию авиационных пушек велась у нас недостаточными темпами и еще не вышла за рамки конструирования и изготовления опытных образцов пушек калибров 23 и 37 миллиметров, Б. Шпитальный и С. Владимиров предложили для крупнокалиберного пулемета «Швак» сменный ствол калибра 20 миллиметров и к нему бронебойные и осколочно-разрывные снаряды. Получалась вроде бы пушка без изменения материальной части системы и установок к ней. Она была принята на вооружение; таким образом, появилась, казалось бы, возможность очень быстро оснастить авиацию пушками.

Но то был всего лишь паллиатив.

Сам по себе калибр 20 миллиметров вполне мог тогда удовлетворить потребности нашей авиации, особенно для легких самолетов, если бы новая пушка не была своего рода гибридом, причем явно неполноценным. Автоматика конструкции и питание оставались теми же, у гильзы патрона лишь дульце увеличивалось с 12,7 до максимально возможного внутреннего диаметра – 20 миллиметров, а сама она ни по размерам, ни по геометрии не изменилась, объем ее сохранился. Таким образом, пороховая камера для 20-миллиметрового снаряда оставалась такой же, как и для пули диаметром 12,7 миллиметра. А так как снаряд был значительно больше и тяжелее пули, его начальная скорость при таком же пороховом заряде снизилась. Вынужденной была и геометрия этого снаряда, рассчитанная лишь на то, чтобы уложиться в существующую геометрию автоматики, а вовсе не на повышение эффективности его действия...

Самолетостроители и ВВС приветствовали 20-миллиметровый калибр даже в варианте авиационной пушки «Швак» с неполноценным патроном, так как это открывало выход из

создавшегося положения. Но выход был кажущимся, неперспективным, мог удовлетворить авиацию лишь ненадолго; вместе с тем усилились сомнения в необходимости для боевых самолетов больших калибров, чем 20 миллиметров, отвлечено было внимание от работы, направленной на создание полноценных авиационных пушек с эффективным патроном. А такую работу, как уже отмечено, вели. В частности, конструкторы промышленности боеприпасов изготовили унитарный патрон калибра 23 миллиметра со снарядом, обладавшим хорошими баллистическими качествами, и гильзой с мощной пороховой камерой. Вооруженцы разрабатывали конструкции соответствующих авиационных пушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.